

Андрей Кивинов

Полное блюдо секретов

Часть сборника
Сыскной инстинкт (сборник)

Андрей Владимирович Кивинов

Полное блюдо секретов

Серия «Улицы разбитых фонарей», книга 12

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128945

Аннотация

«Игорь в который раз пытался прокрутить в памяти события вчерашнего дня. Бешеная карусель не могла остановиться ни на секунду, и он не мог ухватить ниточку, чтобы разобраться во всем происшедшем. Даже здесь, в спокойной, если можно так сказать, обстановке.

Обстановка располагала. Пять квадратных метров, без окон, без дверей. Дверь, конечно, была. С иллюминатором-решеткой, снаружи прикрытой фанеркой, периодически поднимающейся и открывающей деловито-настороженное лицо сержанта-сторожа...»

Содержание

Пролог	4
Часть 1	32
Глава 1	32
Глава 2	48
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Андрей Кивинов

Полное блюдо секретов

*И судья говорил, что все дело в законе,
А священник – что дело в любви,
Но при свете молний становится ясно –
У каждого руки в крови...*
Наутилус Помпилиус. Альбом «Титаник».

Пролог

1987 год

Игорь в который раз пытался прокрутить в памяти события вчерашнего дня. Бешеная карусель не могла остановиться ни на секунду, и он не мог ухватить ниточку, чтобы разобраться во всем происшедшем. Даже здесь, в спокойной, если можно так сказать, обстановке.

Обстановка располагала. Пять квадратных метров, без окон, без дверей. Дверь, конечно, была. С иллюминатором-решеткой, снаружи прикрытой фанеркой, периодически поднимающейся и открывающей деловито-настороженное лицо сержанта-сторожа.

Изолятор временного содержания. Красиво звучит. Обычная камера на три места. Два занято – он и какой-то пенсионер, без меры смоливший дешевые сигареты, извле-

каемые из всевозможных укромных мест гардероба: носков, подкладки пиджака и даже ботинок.

Прямо фокусник.

Игорь зажмурил глаза и попробовал сосредоточиться. Прошел пятый час пребывания в этом изолированном местечке. Все происшедшее казалось глупым сном, приснившимся после обильного запоя...

* * *

Бред, чудовищная ерунда. Почему я здесь? Что я сделал? Я не сделал ничего. Где Аня? Она сидела в кабинете, когда меня вели. Я не успел ей ничего объяснить. Один взгляд. Больше не дали. А дальше? Сказали, трое суток. Семьдесят два часа. А потом?

Возможен арест. Какой арест? За что? Слишком тяжкое преступление. Сто какая-то статья. Что я там подписывал? Я же не читал, я просто не мог читать. Я не считаю себя в чем-то виноватым. Они обещали разобраться. Почему тогда я здесь?

* * *

Взгляд остановился на тусклой лампочке под потолком. Там тоже была лампочка. Тоже тусклая и тоже единственная.

И двор, как эта камера, четыре стены и черное небопотолок.

Анюта зачем-то сказала: «Будь осторожен». Впрочем, нет, она говорила это всегда. У них опасный двор. Шпана. «Какая шпана, Анечка? Я никого не боюсь. У меня есть ты...»

«При чем здесь я, дурачок?» «Не знаю. Пока ты есть, ничего не может случиться».

* * *

Черт, зачем я носил этот нож? С ним спокойнее. Психологический барьер. Для кого?

Я спускался пешком. Дурак, поехал бы на лифте, разминулись. Они же не ждали меня во дворе. Конечно, нет. Они гуляли. Без цели. И увидели меня случайно. Под этим единственным фонарем. Или с целью? Нет, нет. Какая, к чертям, цель? Заводочка по пьяни. Выпить и не подраться? Сегодня ж праздник! «День седьмого ноября – красный день календаря. Посмотри в свое окно, все на улице красно...» Долговязый подошел первым. Что он хотел? Конечно, стандартное «закурить». Ну, разумеется. И я, конечно, ответил, что нет. Виноват, поспешил. В некоторых случаях нельзя говорить «нет». Раскинуть надо было крылья, как аисту на гнезде: «Старый, какие проблемы? Щас найдем. А может, лучше вмажем? Мне вот должок вернули, целый червонец!» Или что-нибудь подобное. А то просто:

– Нет.

И, конечно, им не понравилось. Дальше по избитому сценарию:

– А чего ты, в натуре? Хамишь, гнида!

И удар – прямой и резкий.

Шапка летит в грязь. Не новая, но жалко, другой нет. Я выпрямляюсь после «нырка под руку» и отвечаю коротким снизу. Три года секции по дедушке-боксу. Поэтому только шапка в грязь, а не я сам. Долговязый, раскидывая перья, летит к стене. Координация нарушена «Московской» или «Столичной». Нарушена сильно, но не до конца. На ножках удерживается...

Игорь вздрогнул, как будто проснувшись, и потрогал ушибленный затылок. Что там дальше? Темнота. Он зажмурился.

Второй ударил бутылкой. Я не успел «нырнуть». До конца «нырнуть». Скользящий, не прямой, но все равно неприятно. Был еще третий, Должен был быть. Подсекли из темноты. Твердо и расчетливо. Сзади под ступни. Я упал на бок, автоматически ударив рукой по асфальту – механизм страховки во всех видах единоборств. Едино... Тут не прокатило, тут не едино. Трое... Или больше.

В ход пошли ноги. Долговязый носит, несмотря на холод, туфли-лодочки. Попади в ребро – нет ребра.

Я свернулся клубком, закрыв виски руками. Руки против ног. Ну, хоть бы кто прошел, хоть бы выглянул в окно! Ведь фонарь! Ну, помогите, гады!

Было больно. Когда «лодочка» прошла в зубы. Между сжатых на лице рук. Но боль заставляет действовать. Человек наделен болью не для того, чтобы охать и ахать, а для того, чтобы узнать: «Время пришло! Игра на секунды!»

Нож лежал в правом кармане куртки. Главное – подняться. Откатился в полузамерзшую лужу. Армейский маневр: выстрелил – перебежал – откатился. Должен доводиться до автоматизма. Спасибо старшине – довел.

Они реагируют не сразу. Жертва в нокауте, осталось добить. Без суеты и нервных срывов. Они наверху.

Браво, Игорь Валериевич! Добыто преимущество в метр. Очень хорошее преимущество – еще раз поймать окровавленными губами «лодочку», но теперь уже с небольшого разбега ее владельца. К тому и шло. Я поднялся на колено. Длговязый, похоже, левша. Опорная – правая. По футбольному замахивается. Очень удачный момент – удар влет по мячу. Мяч – моя голова. Когда влет, получается сильно. «Лодочка» – бутса летит в мяч. А я знал. (Ты знал, ты знал – так нечестно!!! Тьфу, понты дешевые!) Достаточно еще раз «нырнуть». Как можно ниже, сколько позволяет одноколенная стойка и глубина лужи. «Нырнул»! «Лодочка» проходит по волосам. Опорная нога остается в одиночестве. На, сучара! Получите, сэр! Сдачи не надо! Нож раскрывается уже в движении. Хорошая конструкция, лезвие летит вперед. Армейский подарок. Делали перед дембелем, полулегально и дарили друг другу. На память.

Долговязый закричал: «Ой!» Потом тоже встал в одноколенную стойку. Вероятно, нож перебил сухожилие. Что, приятель, лужа? Понимаю, понимаю, не хотел. Двое других замирают под фонарем. Когда кричат «Ой!», надо подумать, не слишком ли мы торопимся. Однако у долговязого хорошая анестезия – пузырька два «Столичной» внутрительно. То, что доктор прописал. Поэтому «Ой!» – реакция на промах, а не на перерубленное сухожилие.

Второй мой удар пришелся в корпус. Идиот, зачем?! Запарка? Возбуждение? Обида?

Сейчас хорошо прикидывать. А тогда как-то возможности не было. («Подождите, ребята, я сейчас прикину, как тут с вами разобраться поудобнее...») Тогда одно было – спастись!

Они бы не ушли, пока не добились. Они уже запустили движок, не остановишь.

Долговязый упал на спину, по киношному раскинув руки. Прямо под ноги оставшимся стоять.

– Сука, у него перо!!!

Это кто-то про меня. Ага, сам «лодочник».

Кажется, прошло еще несколько секунд, прежде чем он заорал по-настоящему. Как резаный.

– Витек, ты чего, в натуре?

Яставляю окровавленный нож перед собой:

– Что, крысы, приссали? Ну, давай, бля, кто следующий? «Крысы» буксанули. «Крысы» бегут. В ближайшую нору

– выход из двора-колодца. Я не побежал. Я дурак. Я нагнуллся над долговязым и зачем-то начал извиняться.

Возбуждение прошло так же резко, как и появилось, уступив место мысли о том, что я спорил какую-то ерунду. Жар охватил башку, пульс лупит по вискам паровым молотком.

– Слышь, парень, куда я тебя? Очень больно, да? Я не хотел, извини.

Ему, наверное, больно. Продолжает орать, хотя несколько тише. Кажется, я попал ему в живот. Я швыряю нож в угол двора, в кучу мусора, сваленную прямо на земле. От обиды, что так глупо влип. Потом опять пытаюсь помочь долговязому. Он кричит:

– Сука вонючая!

И бьет меня неподрезанной ногой. Я замечаю, что вода в луже грязно-красного цвета.

Все на улице красно!

– Ну, погоди, я ж помочь хочу, я ж не специально!..

Кто-то все-таки смотрел в окно. Два мента-постовых появились во дворе очень вовремя, когда я благородно обхаживал долговязого. Меня обхаживать не стали. Еще один удар, теперь уже хромовым, начищенным до зеркала сапогом, и я снова на земле. Я плююсь кровью и пытаюсь хоть что-то объяснить. Руки уже за спиной, жесты невозможны.

Говорить больно. Чувствую языком, что одним верхним зубом стало меньше, а раздутая губа уже превратилась в пельмень, доставая до носа. «Лодочник» вонючий...

* * *

Игорь открыл глаза, потрогал губу. Опухоль спала, боль не прошла. В дежурной части врач вызванной «скорой» брезгливо осмотрел его лицо, залил губу зеленкой и клеем и прилепил пластырь. Для тебя сойдет, сойдет, радуйся, что у нас бесплатная медицина. В камере Игорь сорвал пластырь, тот все время намокал от влажного дыхания и неприятно раздражал.

Долговязого увезли на «скорой». Игорь слышал, как дежурный говорил с больницей.

«Похоже, я пробил ему печень. Черт, не сдох бы».

В дежурной камере держали где-то с час. Затем его забрал товарищ в штатском.

Оперуполномоченный. С какой-то хохлятской фамилией на «О». То ли Фоменко, то ли Хоменко.

* * *

Что я там говорил? Что не хотел? Что они первые? Конечно. Я оправдывался. Товарищ никак не реагировал. Сидел неподвижно, как статуя, смотрел прямо в глаза. Потом записывал, уточняя по ходу детали. Спросил про нож. Я ответил. Честно. Я ведь не считаю себя виновным. Спросил,

не знаком ли я с потерпевшим. Долговязый – потерпевший? Смешно! Это я потерпевший. Нет, он. Он в больнице, он и потерпевший.

Потом я расписывался под текстом, толком его так и не прочитав. Сплошной туман в глазах. Потом снова камера. Еще часа три ожидания. После девушка лет двадцати двух, почти ровесница, сказала, что она следователь и будет вести мое дело. Что-то спрашивала про адвоката. Как и Хоменко-Фоменко, писала, только дольше и подробнее.

Я опять оправдывался, опять подписывал. Она сказала, что задерживает меня на трое суток по подозрению. Когда вели назад в камеру, через приоткрытую дверь кабинета я увидел Анюту. С ней беседовал Фо-Хоменко.

Ночь в дежурной части, утром привезли сюда. Часа через два посадили пенсионера.

* * *

Щеколда противно лязгнула, раздался голос сторожа:
– Обед.

Игорь сел на нары. Голова слегка кружилась. Он еще раз ощупал челюсть и губы. Есть можно. Если глотать не жуя. Ну, этот обед можно и не жуя.

Сержант налил в белую миску жидкий суп. Во вторую шмякнул макароны с песчинками фарша.

– побыстрее, мужики.

Дверь закрылась.

Игорь кое-как начал вливать в себя суп.

– Где это тебя? В ментовской?

Игорь обернулся на соседа. Тот спокойно прихлебывал суп, не придавая никакого значения вкусовым качествам варева.

– Подкинули к празднику.

– Тот, кто подкинул, жив?

– Вроде да. А с чего вы решили, что был кто-то еще?

– Хе-хе. На блатного ты не похож. Праздник, как известно, дело пьяное, но твое лицо очень грамотно разбито. Плюс то, что ты здесь. Значит, не сам упал.

– Я не виноват.

– О, понимаю. Как хорошо я это понимаю, Первый раз, да?

– Да.

Пенсионер поковырялся пальцем в зубах и сплюнул на пол.

– Зараза, рыбная кость. Помои.

Игорь поморщился и отодвинул тарелку. Рана на губе открылась, и заглатывать суп с примесью крови стало совсем нелегко.

– Ешь, ешь. Здесь тебе не заводская столовая, добавки не будет.

– Не хочу.

Пенсионер приступил к макаронам.

Я, когда в первый раз подзалетел, тоже не виноват был. То есть не считал себя виноватым. В двенадцать лет стащил полбуханки хлеба, чтобы с голодухи не загнуться.

Пацан, что взять? Думал брюхом, а не головой. Знаешь, сколько дали? Шесть годков.

Игорь недоверчиво усмехнулся.

– Было время золотое. И ничего не попишешь. Стащил, значит виноват.

– Сейчас-то, слава Богу, проехали. Должны разобраться. Они же первыми прицепились.

А мне что, лежать и ждать, когда запинаят?

– Хе-хе, время проходит, камни остаются. Пока их не уберут. Не торопись считать себя правым. Тебя как величать?

– Игорем.

– Павел Николаевич. Трудовой стаж безвозмездной помощи государству двадцать лет и три месяца. Пять командировок по всей России-матушке с небольшими отпусками.

Ношу почетное звание «ООР». Знаешь, что такое?

– Нет.

– Особо опасный рецидивист. Игорь ухмыльнулся:

– Очень приятно.

Павел Николаевич облизал тарелку.

– Я, Игорек, тебе это не просто так сказал. Этими достижениями нешибко хвастают. Об этом обычно помалкивают. На воле. Но мы не на воле.

– Меня отпускают.

– Лет через восемь. Я тоже думал, что отпустят. Поторопился, но ты не спеши. Тебе не двенадцать. Зачем тебе туда?

– Куда?

– Туда, к нам.

Павел Николаевич посмотрел на Игоря сверлящим взглядом, от которого тот вздрогнул.

– Я могу подсказать, как выйти из этих стен и оставить в заднице тех, кто тебя сюда засунул.

– Чего это ради?

– Потому что, Игорек, ты лох и в игры с государством покамест не играл. Сейчас твой ход, но уму-разуму я учу тебя не потому, что ты такой молодой – прекрасный – невиновный. Мне до фонаря, виновен ты, не виновен, зарезал или застрелил. Я им хочу масть сбить.

Пенсионер сделал особый упор на слове «им».

– Усекаешь? Лишний разок оставить систему в дураках не помешает. Очень, знаешь ли, приятно. Потешиться на старости лет, поиграть с государством в шахматы. Их ход, мой ход, ты – фигура. Либо пешка, либо король. Это уже от тебя зависит. Ну как, сыграем?

Напоминаю, сейчас наш ход.

Игорь лег на нары.

– Сами-то вы чего здесь, если такой умный?

– А это мое дело. Имею ряд проблем, которые могу решить только лично и только там. – Павел Николаевич скрестил пальцы перед глазами.

– Значит, если бы вы захотели, то вышли бы?

– Нет. Сейчас уже нет. Впрочем, за что я здесь и почему, тебя не касается. Мы за тебя базарим. Не дрейфь, Игорек, я многим помог лучше любого адвоката. Самый хороший адвокат – собственная шкура, запомни. Правда, и самый дорогой.

– Что-то многовато у вас командировок с таким адвокатом.

– Их могло быть в десять раз больше. Все относительно, верно? Игорь пожал плечами:

– Может быть.

Щеколда снова лязгнула. Сержант забрал посуду.

Павел Николаевич извлек из-под воротника пиджака очередную папиросу.

– Хотя ладно, хозяин – барин. Можешь поиграть сам. В одиночку.

– Но меня должны выпустить.

– От того, что ты повторишь это еще двадцать раз, дверца не откроется. И никто ничего тебе не должен. А вот закрыть за тобой дверцу они должны. Это их хлеб, и, поверь, дело они крепко знают.

Игорь запрокинул голову, убрав подушку. Чепуха. Любой здравомыслящий человек, услышавший эту историю, немедленно встал бы на его, Игоря, сторону. Он же оборонялся, он, в конце концов, защищал свою жизнь. И по-другому не мог ее защитить.

А этот герой соцтруда явно перегибает палку. Восемь лет... Глупости, чушь! Хотя, с другой стороны, что Игорь знал о милиции, о правосудии?

С милицией он сталкивался только несколько раз – по причине своей профессии.

Работая в «такси», волей-неволей контактируешь с ГАИ. Но это так, дорожная милиция с узконаправленной спецификой. А здесь, конечно, другое. Покруче.

Игорь начал вспоминать фильмы про сыщиков. Замелькали лица актеров.

«Чтобы ты вышел отсюда, мы рисковали жизнями...»

Интересно, кто-нибудь сейчас рискует жизнью, чтобы он вышел отсюда? К примеру, Фоменко-Хоменко или та девчонка-следователь с длинной косой? Вряд ли. Но они хотя бы должны поговорить с долговязым. Он подтвердит, что начал первым. Девчонка что-то говорила про нож. Холодное оружие. Неужели нельзя просто так таскать нож? Просто так?

«Может, все-таки послушать, что этот уркаган присоветует. Я ведь ничего не теряю.

Советы – они только советы, им можно следовать, а можно их забыть».

– Ты его ножом?

– Да, – прервав размышления, ответил Игорь.

– Нож скинул?

– Выбросил в мусор.

– Сказал им?

– Да.

– Плохо. Нож – это улика и отдельная статья. Но ничего, покумекаем. Давай еще раз, подробненько, с самого начала, гораздо подробнее, чем операм и следователю.

Игорь снова положил под голову подушку.

– Хорошо.

Он рассказал все заново. С момента прощания с Анютой до момента водворения в ИВС.

Павел Николаевич изредка перебивал его, как и девочка-следователь, уточняя некоторые моменты происшествия.

Игорь закончил рассказ риторическим вопросом:

– Видите, разве я виновен? Это же самооборона.

– Выкинь из головки это слово, Игорек. Это не самооборона, это даже не превышение самообороны. Это статья сто восемь, часть один. Или два, если тот, длинный, отбросит копыта. Но думаю, что не отбросит. «Бакланы» живучи. Лучше б, конечно, отбросил.

Тогда ты один останешься.

– А те двое?

– Те двое зарылись по шхерам и сами в ментовку не побегут.

– Но длинный может их назвать.

– Может. Поэтому лучше б он загнулся.

– Да ну, к черту. Пускай живет. Хорошо б он их не знал.

Вдруг они только в этот день познакомились!

– Возможно. Но не очень на это рассчитывай. Так, свиде-

тель у них наверняка есть: кто-то вызвал ментовку, значит, видел, что вас было четверо. Теперь слушай и запоминай.

Завтра или, может, сегодня тебя снова будут допрашивать. Скорее всего, девочка.

Допрашивать как подозреваемого. Опера этим не занимаются. Пока тебя допросили как свидетеля. Так полагается. Сейчас у тебя якобы появятся новые права. Это туфта бумажная. Ничего у тебя не появится. Поменьше придавай значения этому словоблудию.

Допрашивать тебя будут прямо здесь, тут, в ИВС, есть специальная комната. На допросе ты пойдешь в отказ.

– Не понимаю. Зачем?

– Слушай, Игорек, и не перебивай. Ты простился со своей Анютой и почапал к себе домой. В ее дворе ты увидел трех дерущихся парней. Само собой разумеется, ты, как благородный человек, попытался их растащить. А точнее, ты просто заступился, так как двое на одного – это не по понятиям. Когда ты оттащил одного из парней, второй выхватил «перо» и ударил длинного. Сначала в ногу, потом в живот. Тут кто-то закричал из окна. Так тебе показалось. Парень бросил нож в мусор и побежал. Тот, которого держал ты, вывернулся и ударил тебя ногой в лицо. Ты, естественно, упал. После этого он тоже убежал. Ты поднялся, начал помогать длинному, и в этот момент вас застала милиция. Усекаешь?

– Подождите, но я же уже дал показания, как все было. Их же из дела не вырвать.

– Пустяки. Тебя в отделении били?

– Нет.

– Хорошо. Тебя пугали? Тебе угрожали?

– Да вроде тоже нет. Этот Хоменко сказал, чтобы я не играл с огнем и рассказывал все, как есть. А то будут неприятности.

– Во! А говоришь, не угрожали! По-твоему, это застольный анекдот? Это самая что ни на есть угроза. Ты так жутко испугался, что просто вынужден был оговорить себя от греха подальше. Что, собственно, и сделал. Поэтому попросишь У девочки листок бумаги и напишешь жалобу на имя районного прокурора. Так, мол, и так, застращали опера в усмерть, пришлось себя оговорить. Побольше жалости.

– Да, но этот Витек, он же будет говорить другое.

– Конечно, будет. Но ты обыгрывай ситуацию. Те двое – его знакомые, и он не хочет их подставлять. Может, хочет с них «бабки» снять, потом. Поэтому сейчас грузит все на тебя. Самое главное, когда девочка будет тебя пытаться, постарайся узнать, что говорит длинный. Это трудно, но можно. По принципу: «А вы пойдите, спросите у него!». Девочка молодая, проколется. Если длинный не двинул коня, его уже допросили.

– А свидетель?

– Тут придется рисковать, ничего не напишешь. Только вряд ли он из окна разглядел, кто был с ножом. Ты же сказал, что там темно было.

– Если не считать фонаря.

– Все равно вряд ли. По крайней мере, в лицо тебя точно не разглядели. Дрались вы не больше минуты. Вот, собственно, и все. Девочка проглотит, ей меньше хлопот. Ты в отказе, дело зависает «глухарем», не надо возиться с тобой, со свидетелями, с бумагами.

Это операм «палки» нужны, следакам это наследство по фигу. Главное чтобы тебя сейчас выпустили, не предъявив обвинения. Читай внимательно все, что будешь подписывать. Я уверен, что при такой версии ты соскочишь. Будешь лепетать про необходимую оборону – сядешь надолго.

– Мне надо подумать.

– Думай. Время есть. И учти, это твой единственный шанс. Единственный...

Сержант увел Игоря вечером того же дня, а через час вернулся в камеру. Павел Николаевич лежал на койке, не снимая ботинок.

– Как дела, Игорек?

Игорь сел на свою койку и уставился в пол.

– Не знаю. По-моему, она не поверила.

– Это ее проблемы. Ты сам ничего не напутал?

– Кажется, нет.

– Что длинный говорит, узнал?

– Да. Она сама прочитала мне протокол.

– Ха-ха, неужели?

– Да, когда я начал ссылаться на него.

– Прекрасно, Игорек. Что мы имеем?

– Он не знает тех двоих. Они познакомились в тот день случайно, в каком-то пивняке.

Потом якобы пошли в гости к длинному. По пути встретили меня, я был пьяный.

– Так-так...

– Разумеется, зацепился первым, просто так, без причины. Потом вытащил нож и ударил длинного. В ногу и в живот. Те двое убежали. Я вернулся, чтобы добить, но он начал отбиваться, и в это время появилась милиция.

– Отлично! Вы один на один. Про ту парочку забываем. Жалобу накатал?

– Да.

– Как девочка отреагировала?

– По-моему, никак. Послушала, записала. Сказала, чтобы я не спешил и подумал.

– Это так, для тумана. Обвинение предъявила?

– Значит, не будет постановления на арест. Завтра вечером тебя выпустят.

– Вы уверены?

– Ну, если ты не сморозишь какую-нибудь глупость.

– Странно. Неужели можно отговориться от чего угодно?

– Нет. Тебе повезло. Ты не успел завязнуть слишком глубоко. И заметь, ведь ты же действительно не виновен.

– Да. Тем более странно. Соврав, я получаю свободу, которая полагается мне и так.

– В философии это называется законом отрицания отрицания. Однако, Игорек, не расслабляйся. Как только длинноногий выйдет из больнички, вам устроят очную ставочку. Не дрейфь, вали все на тех двоих, прямо ему в глаза. После этого можешь спокойно жить дальше, даже не вспоминая, что когда-то посетил это госучреждение. – Павел Николаевич показал пальцем на стену.

Игорь помолчал немного, затем поднял глаза на собеседника:

– Простите, Павел Николаевич, может, я спрошу глупость... Я должен буду вам что-нибудь?

Судимый тихонько рассмеялся:

– Ты пока здесь. А потом я же говорил, что ты только фигура, а я игрок. Глупо требовать что-то от фигуры, которую сам поставил на нужную клетку. Или упрекать ее, если сам проиграл партию. Ложись, Игорек, завтра их ход.

Игорь вздрогнул от громыхания щеколды. Тусклая лампочка после сна слепила глаза.

Он спал крепко, избавляясь от накопившейся двухдневной усталости.

– Королев, подъем.

Игорь по инерции глянул на руку, забыв, что часы перед посадкой отобрали. Павел Николаевич похрапывал, уткнувшись лицом в стену.

– Который час?

– Два.

– А что случилось?

– Руки в ноги и на выход. С тобой хотят поговорить.

Игорь влез в ботинки, потер глаза и пошел за сержантом.

«Какого черта? Что еще за ночные разговоры? Дали б поспать...»

Сержант распахнул двери комнаты, где несколько часов назад Игорь беседовал с девочкой.

За столом сидел оперуполномоченный Фоменко. Он кивнул на привинченный к полу стул и чиркнул спичкой. Игорь сел.

Фоменко выпустил вверх струю дыма:

– Значит, тебе угрожали, да?

Игорь не ответил, опустив в пол глаза.

– Ну, хорошо, уважаемый, сам придумал, или кто подсказал? Думаю, что второе, у тебя самого фантазии и мозгов не хватит. Советы бывалых людей это, конечно, здорово, но надо знать, когда ими стоит воспользоваться, а когда лучше пропустить мимо ушей. Ты, выходит, решил поиграть с законом? Ну что ж, игра хорошая, но слишком велика ставочка. Этой дурочке ты рассказал красивую историю и теперь надеешься, что на этом поставят точку. Ошибаешься, на этом поставят запятую. Выходит, тебе угрожали? – закончил Фоменко тем же, чем и начал.

– Да, – чуть слышно выдавил из себя Игорь.

– Знаешь, Королев, мне, честно говоря, абсолютно наплевать на твою биографию как таковую. Я не собираюсь тебе ее

менять, не собираюсь тебя уговаривать и в чем-то убеждать. Выбор в конечном итоге за тобой. И пришел я сюда только потому – я говорю тебе об этом прямо, – что не терплю, когда мой труд из-за всяких дурочек летит коту под хвост. Мне мой хлеб достается дорого, но добываю я его от души. И чтобы долго не словоблудить, я сейчас нарисую тебе две возможные ситуации, а уже после снова послушаю тебя.

Ситуация первая: ты и дальше стоишь в отказе, плачешь, что тебя запугали, и надеешься соскочить. При этом, естественно, не зная, что у меня в запасе на такие вот случаи. А на такие случаи у меня всегда есть что-нибудь в запасе, иначе я был бы плохим опером и работал где-нибудь в патрульно-постовой службе, а не в уголовке. Также ты забываешь, что впереди еще один день, за который можно очень-очень много сделать.

Особенно когда делаешь с душой. А я уж постараюсь. Не выношу, когда на меня строчат липовые жалобы. Так вот, к примеру, я проведу опознание. Сажаю тебя, рядом еще двух красавцев – выюношей и приглашаю двух понятых и одного свидетеля, который, разумеется, сразу тебя опознает.

– Там было темно.

– Он тебя опознает! Потому что нож твой и потому что именно ты был с ножом. Разве я иду против истины? Надо будет, я найду еще свидетелей, если следователю одного покажется мало. Но, думаю, не покажется. Потому что к опознанию я приложу еще кое-что. К примеру, заключение

эксперта, что на полированной поверхности рукоятки ножа имеются отпечатки пальцев некоего Игоря Валерьевича Королева. Нож, кстати, найден. В одной из тех самых мусорных куч.

После этого Игорь Валерьевич Королев может выдумывать и говорить все, что захочет. Что его били, пытали, загоняли под ногти иголки и булавки, угрожали, пугали...

Что он никого не бил ножом, что нож вовсе не его... Ну, и так далее. Все эти доводы в расчет приниматься уже не будут. Доказательная база достаточно основательна. И наш дорогой Игорь Валерьевич прямо отсюда уезжает в следственный изолятор, говоря проще, в «Кресты», где томится до суда в безделье и скуке.

На суде он по-прежнему бьет себя копытом в грудь, утверждая, что вышла ошибочка.

Суд изучает доказательства и, убеждаясь, что Игорь Валерьевич просто-напросто хочет соскочить, выносит строгий, но справедливый приговор. То есть назначает максимальный срок из тех, что предусмотрены в Кодексе. Для справки – по сто восьмой, части первой, полагается восемь лет лишения свободы. Можешь мне верить, можешь не верить, но тем, кто стоит в отказе, максимальный приговор почти всегда обеспечен. И это справедливо. Кто-то должен платить за мои стоптанные ноги, за мое потраченное на поиски улики время, за мои нервные клетки. Так что расплата идет сполна.

После суда бедный, невиновный Королев отправляется на

зону с каким-нибудь соблазнительным режимом, где и проводит в тоске, печали и раздумьях последующие восемь лет. Уедет Игорь Валерьевич, так и не попрощавшись, так и не поцеловав перед дальней дорогой свою любимую невесту Анечку.

– При чем здесь Анюта? – не выдержал Игорь.

– Да не знаю, будет ли она ждать целых восемь лет какого-то уголовника. Ведь это самые лучшие годы человеческой жизни. Думаю, не будет. Она, во-первых, не глупа, а во-вторых, весьма симпатична. Упорхнет в чье-нибудь гнездышко.

Игорь начал нервно кусать ногти.

– И еще запомни: нормальными людьми оттуда, как правило, не возвращаются.

Проверено многочисленными опытами. За первой ходкой следует вторая, потом третья...

И понеслось. Вся жизнь испорчена брошенными в юности неосторожными словами: «Это не я».

Теперь ситуация вторая. Ты чистосердечно рассказываешь правду, без всяких там «угрожали», «пугали», в дальнейшем не юлишь и не выкручиваешься. Свободу в виде подписки о невыезде я тебе, конечно, гарантировать не могу: во-первых, это во власти только следователя, и во-вторых, «сто восемь» – это не семечки. То есть возможен тот вариант, что ты все равно едешь в «Кресты».

Как видишь, играю я честно, ничего тебе не гарантируя. Но... Ты зарабатываешь множество очков в свою пользу. К

примеру, ты можешь делать упор на самооборону, на то, что никогда раньше ничего криминального не имел, что активно помогал следствию.

Вполне возможно, суд учтет твои доводы и переквалифицирует сто восьмую на сто одиннадцатую. А наказание там – тьфу, как правило, условное. Заметь, что, если ты стоишь в отказе, ни о какой переквалификации и речи быть не может. Но даже если суд оставит сто восьмую статью, то приговор ни в коем случае не будет максимальным.

Фоменко затушил сигарету о торец стола и выбросил окурок за батарею.

– С учетом обстоятельств, с учетом твоей личности и, главное, признания ты получишь немного. Но самое важное здесь то, – Фоменко выдержал паузу, что ты сможешь поговорить со своей Анютой. Имеется в виду до суда, конечно. Один на один. Живой разговор не заменят никакие письма и «малявы». Верно, согласишься?

Игорь потер виски ладонями. Господи, как он запутался. Он ничего не понял из того, что сказал ему Фоменко, кроме последних слов. О том, что он сможет увидеть Анюту. Он не знал, правду ли говорит Фоменко или сочиняет, но мысль о том, что он сядет в тюрьму, так ничего и не объяснив Ане и не простившись, напрочь заглушала все остальное. Всякую логику, всякий трезвый и холодный расчет.

– Вот так, милый мой Игорек, теперь выбирай. Колхоз-дело добровольное...

– Каким образом я смогу ее увидеть? Вы приведете ее сюда?

– Нет. Сюда ее не пустят. В «Кресты» тем более. Я могу организовать вам свиданьице у себя. Причем опять-таки все зависит от тебя. После того как ты дашь правдивые показания, следователь повезет тебя на уличную операцию, то есть на проверку показаний на месте. Ты показываешь и рассказываешь, как все происходило, – что-то типа театра одного актера. Тыкаешь пальцем в кучу, куда скинул «перо», фотографируешься на память вместе с понятыми, ну, и все, в принципе.

После уличной, как правило, заезжают в отделение, следователь там прочитает тебе протокол. Потом он, вернее она, захочет отобедать, сходить в туалет, позвонить маме.

Ну, мало ли, что может ей захотеться. Вот в этот момент я и приглашу к себе в гости твою Анюту. Вы чирикаете минут двадцать-тридцать в моем кабинете, не касаясь, разумеется, запрещенных тем, как то: пропаганда войны, передача шифрограмм западным спецслужбам и, конечно, твой арест. Не, объяснять ей ты можешь, но чтоб не было никаких договоров об алиби или как убрать свидетелей. Понял?

Игорь сглотнул слюну.

– А вы... вы не обманете?..

– А какой смысл? Ты идешь навстречу мне, я, естественно, тебе. О, поэзия в прозе.

Если следователь вдруг не захочет отобедать, я сделаю

так, что она захочет. Это уж мои проблемы.

– Хорошо... Хорошо, я все покажу.

– Я и не сомневался, что мы договоримся. Ты ведь неглупый парень, зачем портить себе жизнь?

Фоменко нажал кнопку на стене.

Зашел сержант.

– Все, дорогой, спокойной ночи. Иди, спи. И попутно вспоминай, как там все было/ Уличная будет завтра. И поменьше слушай советчиков.

Сержант вывел Игоря из комнаты. Павел Николаевич не спал. Он лежал на койке и курил.

– Что случилось, Игорек? Игорь сел напротив и, как прежде, уставился в пол.

– Я не знаю.

– Чего ты не знаешь?

– Ничего не знаю...

– Так, занятно... Я полагаю, тебя вытаскивал этот Фоменко? Игорь кивнул.

– Ну, а ты?

– Я признался.

– Зачем?

– Я не могу. Не могу рисковать. Я хочу увидеть Анюту.

– Ты ее и так увидишь завтра вечером. Что он там тебе наплел?

– У них есть свидетель.

– Очень сомневаюсь. Иначе Фоменко не прискакал бы к

тебе в два ночи.

– Я ничего не знаю, – зачем-то снова повторил Игорь. – Я хочу видеть Анюту.

– Дурак ты, паря. – Павел Николаевич затушил окурок и отвернулся к стенке. – Поэтому надоел ты мне. Делай, как не знаешь. Когда в мужской базар встревает баба, я убегаю в сторонку. Подальше...

Игорь лег на койку и закрыл глаза.

Часть 1

Глава 1

– Так вот, господа, эта веселенькая собачка называлась бультерьером. Такая маленькая, похожая на белого поросеночка с розовым пятчком. И по природе своей ласковая и преданная хозяину до безумия. В данном случае – хозяйке. Но главное ее достоинство помимо преданности способность сжимать челюсти с давлением до двадцати пяти атмосфер. Вы знаете, что такое двадцать пять атмосфер? Суньте руку в гибочный пресс узнаете. И если этот маленький ротик на чем-то сжимается, даже любимый хозяин с трудом убедит собачонку отпустить то, за что она там уцепилась.

Такое вот необычное животное. А глупый и неосмотрительный мужичок как раз его в расчет и не принял, не разбирался ни фига в породах. Ну, подумаешь, бегаёт по кустам что-то свиноподобное и поскуливает. Ногой пни – улетит к ближайшей березе. Пшла вон!

А мужичок-то, короста, не просто так по парку прогуливался. Он, короста, интересным паскудством занимался. Одиноких лыжниц насиловал. Как снежок выпадет, нацепляет он белый маскхалат с вязаной шапочкой – и в парк. Парк большой, лыжниц много. Которые воздухом лесным поды-

шать решили, которые жирок растрасти. Двигают лыжами по лыжне, любуются зимними пейзажами. Не спеша, со вкусом. А этот ухарь тут как тут. Как партизан под елкой. Ага, едет красotka. Оружие к бою. Вокруг, кроме ворон и галок, никого. Шапочку на глаза, сзади прыг дамочке на лыжи – стоп, машина! Дамочка по инерции носом вперед, на коленки бух и никуда! Крепления ботинки держат, мужичок лыжи не отпускает – попалась бабочка в сачок.

Мужик же использует неожиданно представившуюся возможность познакомиться в самых скотских целях. Ну, в смысле похотливых. Стягивает с нижней половины лыжницы верхнюю и прочую одежды и уестествляет дамочку в ускоренном варианте. Парк, как я уже говорил, большой, кричать бесполезно, мужичок специально места поугромней выбирает. Закончит он это безобразие и в лес. Как будто и не было. Многие дамочки даже и понять не успевали, что произошло. Снежный человек, что ли, в парке завелся?

Может, стоит сообщить в научный институт?

В институт, однако, не сообщали, а все больше в наше отделение шли. Мы этот чертов парк обслуживали. И так-то от него хлопот – то грабежи, то убийства, а тут еще такие лыжные фокусы. Ну, прямо, фристайл порнографический.

Прикидываете, шесть эпизодов уже надыбали, а как ловить, черт его знает. Не самим же в маскхалатах по кустам прыгать. И через средства массовой информации лыжниц не шибко предупредишь. В принципе, это сейчас запросто, чуть

что — товарищи, по улице гуляют маньяки, будьте бдительны! А тогда — ни-ни. Нечего панику разводить в нашем самом безопасном городе. Чувствуем, если седьмой эпизод случится, нас, оперов, начальство само, как лыжниц, уестествит. Точно придется маскхалата шить и по парку партизанить.

Но как повезло нам и как не повезло мужичку! Число семь действительно магическое.

Дамочка каталась на лыжах не одна, а со своей маленькой подружкой, бультерьеркой по кличке Крэйзи. Надо ж такую кликуху придумать!

И когда крошка Крэйзи увидела описанную мной сценку, она просто из себя вышла от такого нахальства и бесстыдства. На ее преданных собачьих глазах лишают чести любимую хозяйку! Бардак! Команда «Фас!» в таких случаях даже не требуется. Тихонько разгоняемся, тихонько взлетаем и тихонько вешаемся на голой заднице мужичка, сжав челюсти на все двадцать пять атмосфер.

Ничего паровозик получился. Дамочка орет, мужичок даже не орет, а извергает рев турбин сверхзвукового истребителя, Крэйзи висит, как присоска, и отцепляться не собирается. Мужичок, забыв про жертву, прямо со спущенными штанами помчался по лыжне в свободном направлении; хозяйка опомнилась, и за ним. Через пару километров нагнала, благо была неплохой лыжницей. Собачка как висела, так и висит; народ, гуляющий по парку, шарахается; мужичок уже не истребителем, а тяжелым бомбардировщиком воет.

Хозяйка: «Крэйзи, фу! Фу!». Но какое, к черту, «фу», если поругана хозяйская честь.

Никакого «фу». Короче, пока половину задницы у мужичка не оттяпала, не успокоилась...

– Ты не устал тараторить, Вовчик? Скажи, сам сочинил или рассказал кто?

– Вот те крест – было! Позвони в мой бывший отдел, там все эту историю помнят.

Мужичку семь лет вlepили и третью группу инвалидности. Но как с одной половиной задницы жить-то?

Рассказчика перебил телефонный звонок. Вовчик снял трубку.

– Белкин слушает... Казанцева нет, он в морге... Что значит, когда умер?! Он в морг на опознание уехал. Что-нибудь передать? Ну, как хотите.

– Достали казанцевские козы, – пожаловался Белкин, положив трубку, Единственный номер постоянно занят из-за его баб. Петрович, скажи ему, пускай домашний телефон даст. А то к нам, как в справочное Аэрофлота. Звони, не звони – глухо.

– Я говорил, бесполезно. Он утверждает, что все его знакомые дамы состоят у него на оперативной связи, а значит, это служебные дела, а не личные. Поэтому и телефон должен быть служебный.

– Сказал бы я, на какой связи они у него состоят. Диван, посмотри, еле жив. Еще пара его «оперативных встреч» – и

мы останемся без мебели. Прикинь, Петрович, ему нормальных баб уже не хватает, он уже с женами убитых бандитов шалит. Мол, отработывает на причастность. Как мордашка ничего, Казанова тут как тут-дайте отработаю. Даже если дело не его.

– Брось ты, Вовчик, – вмешался в разговор третий из находившихся в кабинете, опер Паша Гончаров, – Казанова неисправим, а его амурные шашни действительно иногда помогают.

Белкин не стал спорить, склонившись над бумагами.

Вновь затрещал телефон.

– Во, опять какой-нибудь казанцевский бабец. Скажи, что Казанцев из морга не вернется. Разлагается.

Паша поднял трубку.

– Это тебя, нытик. Наверное, тот мужик из парка с половиной задницы.

Вовчик, ухмыльнувшись, подошел к телефону.

– Владимир Викторович, здравствуйте. Это Олег Уткин. Помните, из девяносто второго дома?

– Помню. Здорово.

– Вы извините, что отрываю... Это не вы, случаем, занимаетесь делом Мотылевского?

Вовчик удивленно поднял бровь:

– Мы все им занимаемся, но персональную ответственность несущ действительно я. Это моя территория. А ты что, знаешь, кто его завалил?

Паша и Петрович разом уставились на Белкина.

– Нет, я не знаю... Просто есть люди, которые хотели бы пообщаться с вами по этому вопросу. Меня попросили связаться. Я здесь навроде посредника.

– А что, люди не могут узнать у дежурного телефон отделения по раскрытию убийств?

Самим не позвонить?

– Да нет, могут, конечно. Но когда кого-то знаешь, лучше напрямую.

– Ну, хорошо. Но хоть они-то знают расклад?

– Не думаю. У них, возможно, имеются подозрения. Вообще-то, они хотели бы поговорить неофициально...

– Поэтому тебя и попросили. Понятно. Хорошо, пускай подъезжают. Адрес знаешь?

– Да, вытрезвитель. Простите, а нельзя где-нибудь в другом месте? На стороне? А то вытрезвитель как-то несолидно.

– Ничего подобного. Они хотят поговорить со мной, интерес имеют они, поэтому условия ставлю я. Мне здесь нравится. А что касается вытрезвителя, то могу сказать, что недавно у меня в гостях был мужичок, у которого в кабинете стоит прямой телефон с Черномырдиным. И ничего, мужичок ушел от меня вполне удовлетворенный беседой.

Людей интересую я, а не обстановка, верно?

– Ладно, я передам. Когда к вам можно подъехать?

– Сегодня в пять. Я буду на месте.

– Они представятся от Олега.

– Да я уж догадываюсь, что не от Патриарха Всея Руси. Пока.

– Что там? – полюбопытствовал Петрович.

– Начинается, – вздохнул Белкин. – Как бандита грохнут, так «стрелки» идут, «разговоры», «секреты». Когда Мотылевского нашли, позавчера? Во, уже звонят.

– Кто?

– Откуда мне знать? Сегодня в пять познакомлюсь. Это звонил Уткин Олег, фраерок мелкий с моей бывшей территории. Так, ничего особенного, сам никуда не вписывался, но знал много. Приторговывал наркотой, в застойные времена фарцевал. Ему сейчас тридцатник где-то, в последний раз я встретил его года два назад, на улице, случайно.

Понятия не имею, что он сейчас из себя представляет. Но до уровня Мотылевского вряд ли дорос. Здесь, видишь ли, встречаться не хотят...

– Ну, иногда действительно полезнее встретиться на стороне. Не все любят казенные стены.

– Да я в гнездо осиное залезу ради крупички полезной информации. А тут, чувствую, старую песню заведут – мы в долгу не останемся, вы постарайтесь, вы уж как-нибудь, а сами мы и рады бы помочь, да ничего не знаем. Кроме того, скажут, что Мотылевский был прекрасным другом, мужем, автором... не, этого не скажут. Слово «авторитет» в нынешнее время имеет единственное значение.

Так что пускай сами приезжают. Посмотрят на наши сте-

ны, может, денег на ремонт дадут. Тот, что с Черномырдиным по телефону прямому болтает, обещал, да не дал. А я его специально тогда к нам вытащил.

Белкин откинулся на стуле и сложил ладони на затылке.

Убийство Мотылевского представляло собой типичную вариацию на тему бандитскокоммерческих разборок и имело очень туманные перспективы раскрытия. Как и все аналогичные убийства. Поэтому выхватывать сабли из ножен и с криком «Да-а-а-а-ешь!!!»

Мчаться к заветной цели как-то не хотелось. «Все, что нужно, мы, конечно, сделаем, но не спеша, не торопясь, без особенного внутреннего настроения. Сцапаем то, что само приплывет в руки. А не. приплывет – что же, не смогли, мы не всеильны».

Мотылевский действительно занимал высокую ступень на питерской бандитскоиерархической лестнице. Его возраст приближался к сорока, он считался патриархом, «стариком». Фамилия его была если не нарицательной, то не менее известной, чем фамилии Малышева и Кумарина.

По словам подъехавших на место РУОПовцев, Мотылевский, в отличие от многих авторитетов, не очень старался прикрываться коммерческой деятельностью и принимал непосредственное участие во всяческих разборках и наездах. По слухам, скатавшись в прошлом году в Швецию поохотиться на уток, он вместо утки подстрелил бывшего соотечественника, что-то там не поделившего с фирмой, ко-

тору прикрывала группировка дяди Славы. Но слухи к делу не пришьешь, поэтому шведские власти только развели руками, объясняя, что слово «глухарь» интернациональное, «глухари» водятся и в России, и в Швеции, так же как и утки.

Официально Мотылевский являлся директором какого-то АОЗТ. АОЗТ это нигде не проявлялось и нигде не рекламировалось, потому что даже сам шеф, наверное, до конца не представлял, чем занимается его предприятие. Но чуть что – я директор, я не бандит.

О похождениях Мотылевского на отчизне РУОПовцы не распространялись, возможно, из-за того, что не хотели раскрывать профессиональные секреты, а возможно, потому, что попросту ничего не знали.

До позавчерашнего дня Вовчик знал о Мотылевском лишь чуть больше обыкновенного гражданского человека, черпающего сведения из средств массовой информации и трамвайных сплетен. Район, обслуживаемый убойным отделом, где трудился Белкин, данным авторитетом не контролировался, поэтому перекинуться словечком о возможных причинах убийства было не с кем. Местных же бандитов убийство интересовало только с той позиции, что завтра с любым из них могла приключиться подобная история.

Мотылевский был найден застреленным в одной из своих многочисленных конспиративных квартир, разбросанных по всему городу. Прописку же имел в какой-то коммуналке, где, разумеется, никогда не появлялся.

Жил покойный, как и подобает людям его положения, где считал нужным, вернее – необходимым, поэтому и держал большое количество «хат», а отнюдь не из-за того, что любил пустить пыль в глаза, показывая свою состоятельность. Вынужденная мера предосторожности. При заморочках никогда не помешает иметь пару глаз за спиной и несколько подземных нор-убежищ.

Обнаружил его сосед по площадке, отреагировав на незапертую дверь квартиры напротив. Авторитет лежал на пороге, ногами к выходу, застреленный тремя выстрелами в спину. Плюс контрольная пуля в затылок.

Судя по кровавым брызгам на стенах площадки и на дверях, пули были выпущены в ту же секунду, как он открыл замок. Ключи так и остались зажатыми в руке. Затем, вероятно, тело перетаскили за порог, чтобы не пугать покойником жильцов, где и бросили. Двери почему-то закрывать не стали, хотя по элементарной преступной логике чем позднее найдут труп, тем лучше. Не были забраны документы, что обычно практикуется при убийствах. А тут – пожалуйста, паспорт, права, визитки. Выстрелов никто не слышал, это как раз неудивительно. Стрелковое оружие совершенствуется, и прицепить глушачок на любую модель пистолета – что гвоздь в стенку вбить.

Точного времени смерти установить не удалось. На этаже располагалось по две квартиры, дом имел лифт, сосед, обнаруживший Мотылевского, вернулся домой поддатый в один-

надцать вечера и через полчаса, слегка протрезвев, вызвал милицию.

Судебный медик, рассмотрев свой длинный градусник, констатировал, что несчастье приключилось около трех-четырёх часов назад. А может, двух. В принципе, неважно, потому что негодяи уже смылись, и организовывать преследование по горячим следам не имело смысла.

Начальник районного уголовного розыска, вырванный прямо из-за вечернего стола, ковыряя мизинцем в зубах и выхаживая вокруг лежащего тела, цинично подметил: «Какое гнусное самоубийство», но следователь прокуратуры не прислушался к его логичным доводам и без зазрения совести возбудил «глухаря» по сто третьей статье. Столбик процента раскрываемости убийств упал еще на одно деление.

Закончив возиться с протоколом осмотра, следователь заметил, что покойного должен опознать кто-нибудь из родственников или знакомых. Белкин, дежуривший от убойного отдела, долго голову ломать не стал. Он нашел визитку господина Мотылевского Владислава Сергеевича, коммерческого директора АОЗТ «Снежинка», и набрал указанный на ней номер телефона.

«Здравствуйте. Господин Мотылевский, к сожалению, не может сейчас поговорить с вами. После сигнала оставьте свое сообщение, и при первой возможности он перезвонит вам. Спасибо».

«Да не за что, – ответил Вовчик. – Передайте господину

Мотылевскому, что он вряд ли сможет позвонить мне и вообще кому бы то ни было, потому что сейчас находится по такому-то адресу совместно с опергруппой, расследующей его убийство».

Этого вполне хватило, чтобы через полчаса у дверей квартиры объявились крайне взволнованные ребята с «Мотороллами» в руках. Вместо того чтобы спокойно побеседовать, ребяташки начали нервно суетиться, кричать, размахивать руками, а один даже блеванул в мусорный бачок этажом ниже.

Вовчику удалось найти в команде старшего и поговорить с ним наедине в квартире соседа. Собеседник постоянно курил, никак не мог сосредоточиться и на вопросы, поставленные опером, отвечал крайне невнятно. Вовчик выяснил, что последний раз живым Славу Мотылевского видели около шести вечера в кабаке «Ромашка», где авторитет имел обыкновение закусывать.

Около семи кто-то позвонил на его «Мотороллу», но сути разговора никто не понял, Слава отвечал односложно – «да» и «нет». В течение дня была масса звонков, но именно этот запомнился собеседнику, потому что покойный никак его не откомментировал, а сразу после разговора заметно помрачнел. На вопросы типа «Что, Слава, непонятки?» Мотылевский не реагировал, выпил две по сто коньяку, чего обычно в это время суток не делал, и в восемь вечера укатил на своем «Мерсе» вместе с двумя охранниками и водителем в

неизвестном направлении. Охранников сейчас ищут, и через несколько часов они будут здесь. В последнем Вовчик усомнился, потому что наверняка сначала с ними захотят побеседовать товарищи убитого, а для любого разговора нужно время. И если охранники и водитель что-то знают, то вряд ли они предстанут перед Вовчиком – скорее, они предстанут перед Всевышним.

Адрес, где был обнаружен Мотылевский, знал очень ограниченный круг лиц. Квартира использовалась в основном для любовных развлечений и изредка для деловых встреч.

Появлялся здесь авторитет нерегулярно, то есть когда в голову взбредет, и никому не отчитывался, почему именно сегодня он выбрал это жилище.

Квартира имела три комнаты и обставлена была с подобающим шиком ванна, к примеру, была с гидромассажем, а уж видео-аудио-безделушек никто даже не считал. Как выяснилось впоследствии, записано было гнездышко на какую-то бабулю, неизвестно где находящуюся и неизвестно, существующую ли в обществе. По крайней мере, гидромассаж заделали явно не для нее.

На вопрос о возможных мотивах убийства Мотылевского собеседник Вовчика виновато пожал своими широкими плечами и покачал большой бритой головой. По этому жесту Белкин понял, что либо товарищ ничего не знает, либо мотивов настолько много, что выбрать сразу наиболее подходящий очень проблематично.

Эксперт-криминалист обнаружил на входных дверях несколько следов пальцевых захватов, но кому они принадлежат – то ли Мотылевскому, то ли соседу – пьянице, то ли убийце, то ли рядовому или начальствующему составу райотдела – сказать пока, естественно, не мог.

Короче говоря, поприсутствовав на месте происшествия, Вовчик твердо уяснил, что надо запастись бумагой и с самого первого дня браться за заполнение белых корочек оперативно-поискового дела. Либо раскрывай, либо показывай, как раскрываешь. Если не будет ни того, ни другого, случится конфуз с занесением в личное дело.

Белкин потянулся и вылез из-за стола. Осмотрев в поисках остатков кофе банки, в изобилии присутствующие на кабинетном подоконнике, и ничего не обнаружив, он вернулся на место.

Выдвинув ящик стола, он достал оттуда чистый лист и белого заводного цыпленка.

Повернув пару раз ключик, Вовчик поставил цыпленка на блюде и отпустил руку.

Цыпленок запрыгал и застучал клювом по фарфору.

Паша вытаращился на коллегу.

– Белкин, ты что, совсем, что ли? Детство в «очке» заиграло? Может, тебе куколку купить или настольный футбол?

Вовчик, помолчав несколько секунд, негромко ответил:

– Ты ничего не понимаешь, Гончар. Это самый надежный агент. Смотри, что он делает.

Стучит. Безвозмездно, бескорыстно и от всей души. Он знает о всех секретах на этом блюдце. Мне остается только записывать. Мне ничего не надо выдумывать. Никакой липы.

Белкин взял ручки и написал на чистом листе:

«Секретно. Экземпляр единственный. Принял Белкин. Агент Цыплаков. Место встречи обусловлено. 6 мая 1995 года. Источник сообщает, что, выполняя ранее полученное задание, встретился со своим приятелем Уткиным Олегом. В разговоре Уткин упомянул, что знаком с людьми, могущими иметь сведения об убийстве преступного авторитета Мотылевского. Сам Уткин о причинах и мотивах убийства не догадывается».

Поставив точку, Белкин сунул бумагу в корочки и остановил цыпленка.

– Отлично, агент Цыплаков. Вы нам очень помогли. Продолжайте выявлять сведения о личности убитого и причастных к его смерти лицах.

Гончаров покрутил пальцем у виска и рекламным голосом изрек:

– Я работаю врачом-психиатром уже пятнадцать лет. И мне достаточно одного взгляда, чтобы определить среди моих клиентов потенциальных самоубийц. Всем им я советую пользоваться мылом «Сорти-фрут». Оно прекрасно мылит веревку и идеально подходит для задуманного мероприятия! Мыло, создающее настроение! Красивый исход без особых хлопот!!!

– Давай, Гончар, давай. Очень остроумно. Ты такой веселый, потому что на методсовет по этому «глухарю» не поедешь. Но ничего, я, вообще-то, в отпуск собрался. Так что в кабинете тебе отсидеться не удастся. Психиатр...

Глава 2

– Слышь, мужички, у меня со стола дело пропало. Никто не брал?

Таничев хмыкнул и ткнул пальцем в стену:

– А ты вот этот плакатик внимательно изучал?

На плакатике симпатичная девочка прижимала к мордашке рулон туалетной бумаги.

«Сама нежность» – гласила пояснительная фраза, начертанная рядом с личиком.

Плакатик притащил опер Казанцев, а ему, в свою очередь, подарила этот «шедевр» какая-то знакомая, работавшая в метро.

Белкин потер затылок:

– Петрович, ты хочешь сказать, что какая-то бестия перевела мое дело на туалетную бумагу? Я понимаю: когда Казанове приспичит, он все без разбора тащит, но чтоб целое дело?!

– А ты у меня хоть одну бумажку на столе видел, Шарпов?

– Нет, конечно. Потому что мне твои бумажки на фиг не нужны. Да и никому не нужны.

Разве что начальству.

– Хм... В общем-то, верно. А что такое дело? Это куча бумажек. Поэтому и оно на фиг никому не нужно. Не пере-

живай, поищи у себя получше. А может, действительно Казанова тырнул?

– Там секретные бумаги были.

– Новые напишешь.

– Неохота.

– Что делать, мой друг?

Белкин начал выдвигать ящики полуразвалившегося стола, который заменял Вовчику сейф.

В кабинет зашел оперуполномоченный Константин Сергеевич Казанцев, попросту Казанова, вернувшийся из морга.

Он плюхнулся на свое место и многозначительно прокомментировал:

– Фу!

– Казанова, ты у меня со стола дело не брал? – поинтересовался Белкин.

– Оно мне нужно, как машинка для полировки ногтей. Хотя нет, от такой машинки я б не отказался, девки визжали бы.

Петрович пожал плечами: мол, что я говорил? Белкин опять стал рыться в ящиках.

– Во, нашел. Вниз провалилось. Слава Богу. Белкин раскрыл корочки и начал расшивать тесемки.

– Ну, что в морге? – спросил Таничев.

– Да нормально. Опознали красавца. Представляете, мужики, захожу я в ихнюю прозекторскую, где трупы потрошат, на столах там парочка клиентов лежит, кишки пораскинув, а эти сидят, обедают.

– Кто, трупы?

– Санитары. Врач уже ушел, они остались покойников зашивать. Кивают мне, мол, проходите, мы сейчас. Я прошел, жду, когда они закончат. Мне ж моего найти надо, не самому ведь по холодильнику ползать. А эти не спешат, жуют себе и чайком из термоса запивают. А обстановочка там, хочу вам сказать, очень к обеду располагающая.

Особенно запашок. Этим же все по боку. Один протягивает мне бутерброд с какой-то дрянью и говорит: «Угощайтесь, прекрасные миноги». Сволочи, я тут же чуть не блеванул, извиняюсь за нелитературное слово. Хорошо, пообедать не успел.

Чернушники...

– Да, любят они миног, – подтвердил Таничев.

– Петрович, я на обратном пути в одно место зарулил, раздобыл списки нудистов района. Завтра выдерну парочку.

– Кого-кого? – Белкин и Таничев одновременно посмотрели на Казанцева.

– Ну, этих, которые деньги старинные собирают. Надо бумаг подсобрать по «мокрухе»

На Лесной, где коллекционера завалили.

– Нудисты? Это те, что голыми ходят? Теперь уже на собратьев по оружию смотрел Казанцев:

– Голыми? Это еще зачем?

– А им так деньги удобнее собирать. Слышь, Константин Сергеевич, я тоже в детстве Эйнштейна с Франкенштейном

путал, но чтоб нудистов с нумизматами...

Казанцев озадаченно посмотрел на свой список.

– Да ну вас к черту! Какие еще нумизматы?! Нумизматы – это обезьяны такие, А те, что деньги собирают, это как раз нудисты. Вот, гляньте.

Костик достал из ящика стола белые корочки.

– Пожалуйста, план мероприятий по делу, утвержденный тремя начальниками. Третьим пунктом идет: «Проверить на причастность нудистов, проживающих на территории района». Мало того, резолюция какого-то босса из Главка:

«Тов. Казанцев, почему отработано так мало нудистов? Активируйте работу». Так что, господа, никаких ошибок. Хотя, в принципе, какая разница – нудисты, нумизматы, один черт – «глухарь».

Таничев перевел взгляд на Белкина, затем опять указал на плакатик с «Самой нежностью».

– Это вам к вопросу о ценности наших бумаг. Белкин пожал плечами и снова склонился над своим делом.

В небольшом коридоре, соединяющем кабинет с улицей, слышались шаги, затем раздался стук в дверь.

– Заходите.

На пороге возникли три фигуры.

– Белкин кто?

Вовчик взглянул на вошедших, затем на часы:

– Я.

– Мы от Уткина.

– Проходите. Стулья в углу. Петрович, иди в кладовую, мне побазарить нужно. Таничев понимающе кивнул.

– Константин Сергеевич, ты бы тоже переселился на время туда со своими нудистами.

Казанцев не возражал. Взаимная договоренность. Когда кому-то нужно поболтать один на один, остальные исчезают и не подслушивают.

Троица села на предложенные места. Первому, самому старшему по возрасту и, вероятно, по положению, было лет сорок. Строгую прическу, смазанную каким-то блестящим составом, красили седые волосы на висках и челке. Он был облачен в строгий костюм серого цвета и белую рубашку с пристегивающимся воротником; на шее красовался изысканный шелковый галстук. Нижнего белья Белкин разглядеть не смог. На среднем пальце правой руки висел перстень-печатка весьма внушительных размеров.

Сама рука сжимала антикварную трость с рукоятью в виде кошачьей головы. Глазки котейки сверкали, возможно, натуральным изумрудным блеском. То есть вполне представительный видок. Не то что у Казанцева, месяц ходившего в одной рубахе.

Второй гость был помоложе лет на десять. Он был менее разборчив в тонкостях одежды и украшениях, но зато имел более крупные габариты организма.

Третий посетитель, молодой товарищ лет двадцати пяти, совсем уж не знал меры в ювелирных прибабасах. Их бы-

ло так много, что Белкин просто не смог заострить внимание на чем-то конкретном. Чем-то товарищ напоминал саркофаг фараона Тутанхамона. Прически как таковой на голове не было, а под спортивным костюмом глянцево-синего цвета угадывалась суровая мускулатура. Товарищ жевал резинку, периодически выдувая пузыри.

Все остальные элементы внешности Белкин решил рассмотреть по ходу разговора.

– Слушаю вас. Хотя для начала давайте представимся.

– Да, – коротко ответил старший и протянул Вовчику визитную карточку.

«Шалимов Борис Сергеевич. Коммерческий директор ТОО „Мотылек““.

Белкин поднял глаза. Очень приятно. Еще один авторитет. Фамилия была известна Вовчику, хотя живьем он видел директора «Мотылька» впервые. И известна она была во все не потому, что «Мотылек» парил на вершине питерского бизнеса. Шалимов, как и убитый Мотылевский (странное совпадение: Мотылевский

– «Мотылек», что-то в этом есть), являлся довольно внушительной фигурой в преступном табеле о рангах. Правда, в отличие от погибшего коллеги, он отошел от непосредственного участия во всяких криминальных гадостях и занялся легальным бизнесом. Но от этого не стал менее авторитетным. Мозги всегда ценились выше грубой силы, а то, что Шалимов держал под контролем такую крупную стаю бойцов и

просто сочувствующих, говорило, что мозгами он располагает в нужном количестве.

Года четыре назад, освободившись из мест лишения свободы, Шалим сколотил довольно сплоченную бригаду и взял под контроль пару крупных точек по сбыту наркотиков, применив метод «возгонки и абсорбции», то есть устранив недобровольных и подмяв под себя остальных. Одолевая впоследствии редут за редутом, он расширял границы своих владений и охватывал заботой все новые сферы чужой деятельности. Поговаривали, что Шалим весьма умелый организатор и, отойди *он от дел, его группировка, оставшись без лидера, мгновенно развалится.

Впридачу к традиционным способам обработки клиентов, таким как запугивание, покушение и физическое воздействие, он применял и весьма нестандартные. Были известны случаи, когда он «приглашал» для обработки крупных банкиров или предпринимателей психолога-гипнотизера, причем не шарлатана с липовым медицинским дипломом, а высококлассного специалиста если не с мировым, то с достаточно громким именем.

В дальнейшем Шалим пошел по традиционному пути: потихоньку превратился в капиталиста-бизнесмена, с одной – лицевой – стороны, оставаясь бандитским авторитетом и лидером, с другой – теневой.

Белкин, впрочем, знал о Шалимове не больше, чем о Мотылевском. Но один факт был известен ему доподлинно. И

увидев визитку своего гостя и фамилию, стоящую на ней, именно этому факту и удивился. Группировки Мотылевского и Шалимова враждовали.

Конечно, любая группировка мечтает занять лидирующее положение, избавившись от конкурента, и ни о какой дружбе и любви между командами не может быть и речи, но наряду с этим всегда существует и джентльменский подход – не лезь в наши дела, и мы не будем лезть в твои; не занимай нашу территорию, и мы оставим в покое твою; не стреляй по нашим людям, и мы не откроем огонь по твоим. И так далее. В любом, даже в самом «гнилом базаре» можно всегда найти компромисс.

Поиски же компромиссов между Мотылевским и Шалимовым всегда проходили крайне болезненно. Может, потому, что они контролировали районы, расположенные по соседству, и пути их пересекались чаще, чем надо, а может, из-за несхожести характеров. Гибкости и расчетливости Шалимова противостояли дерзость и напор Мотылевского. Белкин перевел взгляд на сопровождающих Шалимова.

– Мои замы по экономической линии, – ответил Шалимов за них. – Виктор Михайлович и Денис.

– Слушаю.

– Вам сказали, что мы по поводу Мотылевского?

Вовчик кивнул.

– Перед началом нашего разговора я хочу обратить внимание на пару моментов.

«Красиво излагает, – подумал Вовчик. – Наверняка знает, чем отличаются нудисты от нумизматов».

– Во-первых, – продолжал Шалимов, – о нашей беседе, по возможности, должны знать всего четверо.

Шалим обвел рукой присутствующих.

– Надеюсь, не стоит беспокоиться о записывающей и подслушивающей аппаратуре? – уточнил он.

– Помилуйте, – развел руками Белкин. Он не лукавил, никаких «жучков» никто из убойного отдела не ставил. За «жучков», запущенных другими службами, он, естественно, ручаться не мог, но глубоко сомневался, что кому-то могло взбрести в башку их слушать.

– Момент второй. Я не буду вводить вас в долгие и запутанные взаимоотношения между лицами, о которых пойдет речь, а попробую обрисовать ситуацию буквально в двух словах.

– Ваше право.

Шалимов поставил трость к столу. Вовчик обратил внимание, что движения Бориса Сергеевича плавны и лениво-неторопливы, как у кошки.

– Да, еще один момент, который, впрочем, можно отнести непосредственно к теме.

Гибель Славы мало нас тронула, он не входил в число наших друзей. Однако мы крайне заинтересованы в раскрытии этого убийства.

Белкин поднял бровь.

– Сейчас поясню. Вы, несомненно, уже в курсе, чем занимался Слава. Газетчики дорвались до «клубнички». Но и без них никаких секретов о характере его истинной деятельности для вас наверняка не существовало.

– Разумеется. Газеты, кстати, писали и о вас.

– Что делать! Оговорить человека, когда-то сидевшего, ничего не стоит. Но беседа наша сугубо доверительная, и я не буду что-то вам доказывать. Скажу все же, что кое-что из написанного имеет под собой почву.

Белкин улыбнулся:

– Без проблем.

– Да, так вот. На сегодняшний день сложилась такая ситуация, что вину в смерти Мотылевского необоснованно возлагают на меня. Точнее, на моих людей.

– А это не так? – подковырнул Белкин.

– Это не так. Никто из моих людей не имеет отношения к этому делу. Поэтому-то мы и заинтересованы найти настоящего убийцу.

– Вот как? Какой же негодяй думает на вас?

– У Мотылевского, как вам известно, довольно мощная семья.

– И что же заставляет эту «семью» предполагать, что это вы убили их «папу»?

– Это довольно сложно объяснить, но я постараюсь.

Шалимов достал из пиджака навороченный портсигар и вытащил из него обыкновенный «Беломор».

– Около двух лет назад одна крупная компания, назовем ее А, решила построить в центре города элитный респектабельный комплекс для отдыха. Туда должны были входить ресторан, казино, небольшая гостиница европейского уровня и магазин. Все это планировалось разместить в одном здании – на Рябиновой, 25. Там когда-то был обычный жилой дом, пошедший на расселение в связи с капремонтом. Как вам, может быть, известно, для того чтобы оформить договор аренды помещения с последующим выкупом, надо предоставить в КУГИ документы, подтверждающие, что фирма располагает необходимыми средствами. Среди документов, к примеру, должны быть баланс предприятия и справка о средствах на его расчетном счету.

К сожалению, на тот момент времени фирма А не располагала такими средствами. Вы догадываетесь, выкупить дом целиком в престижном районе, это не дачу в Синявино построить.

Тогда руководитель предприятия обращается к своему знакомому «кенту», о, простите, Бога ради, к своему знакомому предпринимателю, директору компании Б. Тот не возражает перевести необходимую сумму на счет фирмы своего коллеги по бизнесу. Но с маленьким условием: деньги возвращать не обязательно, зато все доходы от будущего комплекса делить в отношении три к семи. Условие было принято, причем без всякого документального оформления, потому что, как я уже отметил, директора ходили в «кентах».

Просто один написал другому расписочку на переведенную сумму.

Договор аренды для простоты был оформлен на фирму А. Потом началось строительство, длившееся до апреля этого года. И наконец в апреле комплекс был открыт, вы могли читать об этом событии в прессе.

И все бы прекрасно, но возникла неожиданная проблема. Приятель А решил отказаться от своего обещания платить треть доходов, а предложил вернуть занятую сумму с учетом инфляции плюс небольшие проценты. Вы понимаете, что такие повороты не приняты в деловом мире. Слово должно держаться.

– Понятно. И обиженный бизнесмен Б обращается к своим защитникам, то есть к «крыше».

– Обиженный бизнесмен обратился ко мне. Будем считать, что я действительно был и есть его «крыша».

– Соответственно, если я правильно догадался, – продолжал Белкин, господин Мотылевский являлся «крышей» фирмы А. Верно?

– Вы правильно догадались. И зная Славу, я могу предположить, что идея простого возвращения денег исходит от него, а не от директора. После этого мы несколько раз встретились с Мотылевским на высоком уровне и пытались урегулировать возникшую запутку. К сожалению, это так и не удалось сделать. Мотылевский не признает никаких методов, кроме силовых. Тем не менее, мне удалось договориться с

ним еще на одну встречу, чтобы окончательно расставить все точки над «і».

– И что же?

– Встреча не состоялась по одной причине. Накануне Слава был убит.

В комнате повисла тишина. Белкин посчитал, что нет смысла затягивать переговоры.

– И теперь у ребят Мотылевского возникли кое-какие нехорошие подозрения в отношении вас?

– Совершенно верно.

– И вы хотите доказать, что убийство совершено не вашими людьми и инициатива исходит не от вас. Хорошо, если б Мотылевский остался жив, каковы ваши шансы получить эти тридцать процентов?

– Весьма невелики.

– А теперь?

– Как ни странно, еще меньше.

– Тогда чего вы переживаете? Идите и объясните это Славиным пацанам, они от вас и отвяжутся.

Шалимов улыбнулся.

– Спасибо за совет. Они не поверят, потому как, зная, что мы ничего не получим от предстоящей встречи, решат, что Шалимов убрал Мотылевского хотя бы по причинам морального удовлетворения. Но, поверьте, я не делал этого.

– Верю, верю. Я вообще всем верю.

– Для них же не достаточно одного моего слова. Им нужны

более веские доказательства. Что поделаешь, благородство вырождается.

– И если вы не представляете этих доказательств...

– Пацаны не хотят крови, – неожиданно вступил в разговор Денис-Тутанхамон.

Вовчик так же резко ответил:

– Зато «пацаны» хотят ездить на «Мерсах» и отдыхать в Ницце. И считают, что для этого достаточно надеть бордовый пиджак, побрить макушку и сунуть в карман ствол. А когда оказывается, что пиджаков и пистолетов много, а «Мерседесов» мало, начинают искать справедливость с помощью этих самых пистолетов. Скромнее надо быть, товарищ, начинать с «Запорожца» и Крыма...

– Спокойно, Денис. Мы действительно, Владимир Викторович, не хотели бы затевать междоусобицу. Худой мир лучше хорошей войны.

– Так не затевайте.

– Мы встретились вчера с ребятами Славы. Они дали нам месяц на поиск доказательств. Потом последует ответный ход.

– А далее цепная реакция.

– Не исключено. Поэтому нам крайне важно получить эти доказательства. Понимаете, нужен даже не столько человек, сколько улики.

– Да, чего уж тут не понять? Но, простите, я-то чем могу помочь? Я не знаю даже близких друзей Мотылевского. Где

я вам раздобуду эти доказательства? У Славы, кроме той за-
путки, что вы мне рассказали, наверняка еще масса других.
Тут года не хватит, чтобы разобраться... К тому же хочу за-
метить, что заказные убийства практически не раскрываемы,
если исполнены грамотно. А Славу валили не пацаны зеле-
ные. В смысле пацаны, но не зеленые. Вам же самим проще
найти эти доказательства.

– Согласен. Мы уже задействовали несколько иных кана-
лов помимо вашего. И не исключено, что мы получим кое-
какую информацию. От вас же зависит ее реализация.

Понимаете?

Белкин безразлично ответил:

– Понимаю.

– И конечно, не за спасибо, Владимир Викторович.

Белкин оторвал глаза от эротического календаря под стек-
лом.

– Десять тысяч долларов, – Первая фраза, сказанная тре-
тьим гостем.

– Лучше ремонт этого помещения, – ответил Вовчик.

Шалимов еще раз улыбнулся.

– Базара нет. Спонсорство нынче модно. Итак, вы соглас-
ны?

– Согласен, но без всяких гарантий в успешном исходе.

– Разумеется. Но многое, конечно, зависит от нас. Вам,
как я уже говорил, остается только реализовать информа-
цию...

Нечаянно Белкин зацепил блюдо. Пружина внутри игрушки пришла в движение, и цыпленок несколько раз стукнул клювом.

– Что это? – удивился Борис Сергеевич.

– А, что-то вроде талисмана. Если меня ждут неприятности, он начинает стучать, и я отказываюсь от принятых решений. Шутка. Это просто игрушка. Кто-то забыл.

– Да, если бы он действительно мог предсказывать будущее, я, пожалуй, купил бы себе парочку в «Детском мире».

– Как мне выйти на вас, если что-то появится? По этой визитке?

– Да. Первый телефон установлен в офисе. До одиннадцати часов меня можно застать там, я провожу планерку. Второй – «Моторолла». На всякий случай вот вам еще один номер, Виктора Михайловича.

Спутник Шалимова протянул свою визитку.

– Еще раз прошу сохранить нашу беседу в тайне.

Борис Сергеевич плавным движением поправил волосы и взял трость.

– Всего доброго, Владимир Викторович.

– До свидания.

Троица вышла. На их месте тут же возникли Таничев и Казанцев.

– Ну что, Вовчик?

Белкин, как и обещал, все «сохранил в тайне»:

– Обычное дело. Война «крыш». Это приходил Шалимов

со своими замами по экономической линии. У них с Мотылевским вышла запутка из-за какого-то борделя.

Накануне большой «терки» Мотылевского грохнули, и – теперь его пацаны грешат на шалимовских. И если последнее не оправдается, начнется бойня. Посулили нам десять штук баксов, если поможем. Я выторговал ремонт.

– Ты что, согласился?

– Без всяких гарантий, вдруг повезет. Это ж не взятка. Я их баксы и не взял бы.

Западло. На них кровушки много. А ремонт – дело другое. Пускай министерство пожирует немного.

– Они что, совсем оборзели? – возмутился Казанцев – По-стреляют друг друга, а потом в ментуру приходят – защитите. Пускай сами разбираются.

– Это и смущает, – задумчиво произнес Таничев. – У них не принято обращаться в ментуру с подобными просьбами. Это их внутренние разборки. А такое обращение явно противоречит их кодексу чести. И идти им надо было не к Вовчику, а либо в РУОП, либо к нашему начальству, чтоб оно команду дало. А кто такой Белкин? Простой опер.

– Черт его знает, может, действительно приперло. Шалим, как мне показалось, опасается, что грохнут прежде всего его самого. А тут и к Богу и к черту побежишь.

– Да ну, это они красочки сгущают, – сказал Казанцев, – Так уж они и начнут стрельбу, перетрут еще разок и разойдутся.

– Извини... В том году, помнишь, за два месяца восьмерых тамбовских завалили. А все потому, что один гоблин другого козлом обозвал прилюдно. И понеслось – «За козла ответишь!». Все погибшие, между прочим, считались друзьями и ходили в одну школу.

Контрольные друг у друга списывали, из рогаток пуляли на переменах. Потом заменили рогатки на стволы. До чего дошло – после очередного убийства в милицию прибегали родители еще живых бандитов и требовали защитить мальчиков от покушений. Причем не скрывая, что их детишки занимаются непотребными вещами. Их спрашивают: «А с чего вы решили, что вашего дитятю убьют?». А они: «Как с чего? Ваську убили, Сережку убили, а мой в их бригаде числится, где гарантия, что он следующим не будет?». Вот так.

«Не дети наши виноваты, что бандитами стали, а нестабильное положение в обществе».

Демагоги. До скандалов даже доходило. Видишь, из-за «козла» восьмерых почикали, а тут такого авторитета уложили...

– А что за бордель?

– Понятия не имею. Сказали, что в прессе было. Элитный центр отдыха на Рябиновой.

– Знаю я эти центры. Наш ОНОН недавно накрыл один такой. У половины посетителей изъяли кокаин, у второй – «Экстази». Заметьте, там собиралась далеко не дворовая публика – богема, крупные коммерсанты, бандиты.

– Что-что изъяли?

– «Экстази». Пилюли такие. Одну сожрешь – и две недели кайф ловишь. На них обычно серп и молот выдавливают, либо зайчика плейбойского. Простому наркоману из подвала такая штучка не по карману. У этих элитных клубов основной доход валит не от продажи антрекотов и не от варьете с голыми пионерами.

– Да, возможно. Поэтому Шалимов и хотел наложить лапу на треть доходов. Хорошая жила.

– Знаешь что, Володя, ты не спеши лезть в это дело, – негромко произнес Петрович. Поверь моим седым волосам, они приходили не за этим.

Белкин пожал плечами:

– Ладно, тем более, я все равно не знаю, с чего начать. А поэтому займусь-ка я непосредственно обязанностями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.